

Тема внешнего вмешательства в российской и американской внутренней политике

ТЕОРИИ ЗАГОВОРА И ЗЕРКАЛЬНЫЕ ОБВИНЕНИЯ ОППОНЕНТА

ПОНАРС Евразия

Аналитическая записка № 512

Февраль 2018 г.

Сергей Голунов¹

Университет Кюсю (Япония)

Теории заговора о вмешательстве внешних сил играют заметную роль в политических дискуссиях, происходящих во многих странах мира. В России конспирологические рассуждения о закулисном влиянии США являются долгосрочной политической тенденцией и сейчас интенсивно используются для укрепления легитимности режима Владимира Путина. В США представляющие Россию в качестве скрытой угрозы теории заговора утратили было свою популярность после окончания холодной войны. Однако со времени последних президентских выборов рассуждения о скрытой российской угрозе вновь стали модными, поскольку оппоненты Дональда Трампа нередко представляют российское вмешательство в выборы как попытку подорвать американскую политическую систему и устойчивую демократию.

При сравнительном анализе подобных теорий заговора исследователь рискует оказаться под влиянием своих политических пристрастий, оценивая правдоподобность тех или иных конспирологических «историй» в зависимости от своих политических предпочтений и симпатий к действующим лицам: приписываемые «несимпатичным» политическим силам «заговоры» с гораздо большей вероятностью объявляются правдоподобными, чем обвинения в адрес вызывающих симпатию политических сил. Чтобы попытаться минимизировать такое влияние, я предлагаю подразделять теории заговора на «краткосрочные»/«тактические» и «долгосрочные»/«стратегические». При таком подходе первый вид «теорий», в рамках которых «заговорщики» имеют менее амбициозные и более реалистичные цели, рассматривался бы как гораздо более правдоподобный чем второй, при котором «заговорщики» преследуют крайне амбициозные цели, упорно преследуемые в течение длительного периода.

¹ [Сергей Голунов](#) – профессор Центра перспективных азиатско-тихоокеанских исследований Университета Кюсю (Фукуока, Япония).

Ключевые особенности теорий заговора

Теория заговора обычно определяется как альтернативное наиболее простой и естественной версии [объяснение](#) некоего явления или события посредством отсылки к злонамеренным действиям тех или иных сил, добивающихся своих целей тайным путем. Хотя теории заговора зачастую отвергаются как некорректный тип мышления, следует иметь в виду, что реальные заговоры периодически имеют место, и что почти каждый из нас (включая тех, кто отвергает теории заговора в принципе) времени от времени прибегает к конспирологическим рассуждениям. Даже логика части научных исследований напоминает логику теорий заговора, когда ученые пытаются установить скрытые [связи](#) между разрозненными событиями и явлениями, а затем довольно тенденциозно подбирают аргументы в поддержку своего объяснения. Принимая во внимание эти соображения, некоторые исследователи пытаются провести различие между “правдоподобными” и “неправдоподобными” теориями заговора. Другие исследователи [акцентируют внимание](#) на феномене так называемого конспирацизма, который определяется как вера в ключевую и вездесущую роль теорий заговора в историческом процессе.

Использование теорий заговора может выполнять ряд важных социальных функций. В периоды экономических и политических кризисов, когда ситуация выходит из-под контроля, конспирологические идеи помогают их приверженцам найти смысл в происходящем, [предлагая](#) достаточно простые объяснения причин проблем и трудностей. В контексте противостояния между правящими режимами и оппозицией, теории заговора способны придавать дополнительную легитимность одной из сторон и способствовать сплочению вокруг нее приверженцев, в то же время дискредитируя оппонентов и возлагая на них ответственность за проблемы и неудачи текущей политики. Наконец, теории заговора могут выполнять роль коммерчески успешного шоу, [предлагаемого](#) аудитории средствами массовой информации и авторами художественных произведений.

Конспирологические идеи в российской/советской и американской истории

Теории заговора имеют глубокие корни в истории как российской, так и американской общественной мысли. Российская традиция, по-видимому, оказалась сильнее, влиятельнее и в большей степени связанной с изоляционистскими настроениями. В советский период конспирологические обвинения стали мощным инструментом в руках правящего режима, использовавшимся как для повышения собственной легитимности и сплочения сторонников, так и для нейтрализации оппонентов. Во времена правления Сталина необоснованные обвинения в сотрудничестве с иностранными разведками и прочими внешними врагами СССР стоили жизни или сломали судьбу множеству советских граждан. В США, вскоре после победы большевиков в России, некоторые влиятельные политики стали серьезно опасаться возможного подрывного влияния поддерживаемых извне прокоммунистических сил на американскую внутреннюю политику. Кампании периода «первой красной угрозы» (1917-1920) и «второй красной угрозы» (1947-1957) привели к многочисленным увольнениям, депортациям и публичному унижению людей, подозреваемых в просоветских симпатиях. Следует отметить, что после периода правления Сталина в СССР и кампании периода «второй красной угрозы» в США интенсивность использования конспирологических обвинений в обоих странах постепенно пошла на убыль, хотя в обоих случаях взаимные обвинения и подозрения далеко не исчезли.

После распада Советского Союза, в 1990-х годах антиамериканский конспирацизм в России на какое-то время стал маргинальным образом мысли, хотя и сохранял некоторую популярность в кругах влиятельных оппозиционных российских политиков, а также представителей силовых структур. Однако в период нахождения у власти Владимира Путина теории заговора о злобной роли Соединенных Штатов постепенно вновь приобрели важное значение в качестве инструмента повышения легитимности режима, мобилизации поддержки и дискредитации оппонентов.² В США же антироссийские теории заговора на длительное время утратили свою популярность. Для склонных к конспирацистскому мировосприятию крайне правых наиболее опасными злокозненными тайными силами стали теперь «сионистское оккупационное правительство», а также глобалистское «мировое правительство», якобы готовившее оккупацию Соединенных Штатов силами вооруженного контингента ООН.

Российские выборы 2011-2012 гг. и обвинения в американском вмешательстве

В 2011 г. решение Владимира Путина баллотироваться на третий президентский срок после четырехлетнего перерыва спровоцировало широкомасштабное и разнородное протестное движение. Оно было направлено против монополизации власти Путиным и его сторонниками, а также против системной коррупции в органах власти. Протестная кампания вылилась в многочисленные акции и привела к значительному снижению результатов правящей партии «Единая Россия» на очередных парламентских выборах.

Кремль отреагировал на это движение пропагандистской кампанией, в рамках которой протесты изображались следствием усилий США по дестабилизации России путем организации так называемой «цветной революции» (утверждалось, что ранее «цветные революции» были организованы Вашингтоном в Грузии, Украине и Киргизии). США обвинялись в использовании особых социально-информационных технологий для мобилизации антиправительственных протестов, лидеры которых объявлялись «проплаченными американскими марионетками». Те неправительственные организации, которые получали иностранное финансирование для осуществления каким бы то ни было образом связанной с политикой гражданской активности (наблюдения за выборами, правозащитной деятельностью и т.п.) стали мишенью и после выборов получили официальный статус иностранных агентов. Конспирологические обвинения использовались путинским режимом не только для дискредитации оппонентов, но также для укрепления собственной легитимности (как единственной силы, способной эффективно противостоять «заговору»), а также мобилизовать своих сторонников, побуждая их быть более активными в поддержке своего лидера.

Пытаясь обосновать свои обвинения в адрес США, проправительственные источники делали основной акцент на двух следующих обстоятельствах: 1) финансировании жестко критиковавших российские власти НКО из американских источников (USAID and the NDI в данном контексте особенно часто упоминались Агентство США по международному развитию USAID и Национальный фонд демократии NED) и 2) встречи между американскими официальными лицами и российскими оппозиционерами периодически

² См. также: Сергей Голунов, [«Невидимая рука» внешних врагов: использование «теорий заговора» путинским режимом.](#) ПОНАРС Евразия, № 192, 2012; Сергей Голунов, [«Что должен знать студент о врагах России? Теории заговора в российских геополитических учебниках.»](#) ПОНАРС Евразия, № 358, 2015.

проводились [в Москве](#) и (за счет принимающей стороны) в США. При этом не предлагалось никаких сколько-нибудь убедительных доказательств того, что Соединенные Штаты действительно систематически инструктировали российских оппозиционеров или того, что американская помощь каким-то образом существенно повлияла на ход предвыборной кампании.

После избирательного цикла 2011-2012 гг., обвинения США в закулисной поддержке Евромайдана 2014 г. были экстраполированы проправительственной пропагандой на те методы и цели, которые США будто бы преследовали, поддерживая российскую оппозицию. В этом контексте широко цитировалась [утечка](#) состоявшейся в 2014 г. телефонной беседы тогдашнего помощника госсекретаря Виктории Нуланд с бывшим послом США в Украине Джеффри Пайеттом. Ряд двусмысленных высказываний из этой беседы были использованы в качестве иллюстрации того, что США не только стояли за Евромайданом, но и пытались контролировать персональный состав находившегося тогда в процессе формирования нового украинского правительства. Такая интерпретация удобно вписывалась в усилия российской проправительственной пропаганды представить российскую либеральную оппозицию в качестве «пятой колонны» Вашингтона, используемой, чтобы подчинить РФ американскому влиянию.

В последние несколько лет российские официальные лица и проправительственные СМИ систематически обвиняют Соединенные Штаты в попытках вмешательства во внутрироссийские дела, причем эти обвинения апеллируют как ко внутренней, так и к [зарубежной аудитории](#). В декабре 2017 г. пожелавшие остаться неназванными представители администрации президента США [сообщили](#), что Москва предлагала Вашингтону сделку о взаимном невмешательстве во внутренние дела, включая выборы. Любопытно, что такое предложение, если оно действительно имело место, могло косвенно свидетельствовать о том, что Россия считала оправданными свои попытки вмешаться в американские выборы, рассматривая такое вмешательство в качестве возмездия за предполагаемые усилия США повлиять на внутривнутриполитическую ситуацию в РФ и опасаясь, что эти усилия продолжатся в дальнейшем.

Президентские выборы 2016 г. в США: «российская угроза» возвращается

После длительного пребывания на задворках американского конспирологического дискурса, рассуждения о «российской угрозе» вновь стали популярными после прихода к власти Дональда Трампа. Диапазон обвинений варьировался от простого осуждения российского вмешательства в американские выборы до далеко идущих предположений о том, что Трамп является российской [марионеткой](#), и что Москва [пытается](#) уничтожить американскую демократию и [подорвать](#) суверенитет США. Такого рода конспирологическая риторика чаще всего используется демократами (хотя к ней прибегают и некоторые республиканцы) и выполняет, прежде всего, функцию подрыва легитимности администрации Трампа. Актуальные теории заговора о «российской угрозе» также, вероятно, выполняют для демократов объясняющую функцию (предлагая простое и снимающее с них серьезную ответственность объяснение причин воспринимаемой политической катастрофы), в то время как функции усиления собственной легитимности и мобилизации поддержки сторонников в данном случае проявляются слабее.

Основными конкретными аргументами, обосновывающими подозрения относительно предполагаемого российского вмешательства, стали обвинения России в кибератаках, использовании в пропагандистских целях ряда СМИ, социальных сетей и интернет-троллей, а также подозрения относительно тайных контактов между представителями команды Трампа и российской стороны (официальными лицами и различного рода посредниками).

Наиболее серьезными выглядят обвинения России в организации кибератак на Национальный комитет Демократической партии, а также на избирательные системы ряда штатов; однако убедительные свидетельства того, что эти атаки определили результат выборов, пока отсутствуют. Справедливо осуждая незаконность и аморальность этих кибератак, следует также помнить, что взлом систем хранения и распространения информации является вполне типичной разновидностью правительственных операций. В течение прошедшего десятилетия такого рода операции осуществлялись многими государствами, не исключая и сами Соединенные Штаты, которые, как сообщается, организовывали подобные операции даже [против](#) своих союзников.

Задействование интернет-троллей и организация пропагандистских кампаний в социальных сетях также является распространенным приемом, применяемым многими авторитарными режимами по всему миру. Такого рода практики, как правило, четко не запрещаются на законодательном уровне, особенно в тех странах, которые уделяют приоритетное внимание защите свободы слова. Следовательно, их применение можно рассматривать как умелое использование серой правовой зоны в своих политических интересах. Что касается утверждений о серьезном вкладе действующих в США российских СМИ (Russia Today и «Спутник») в подрыв американской демократии, то принятие этого аргумента означало бы косвенное признание поразительной неэффективности влиятельных американских СМИ и предвыборной пропаганды ведущих политических сил против информационных кампаний, осуществляемых внешними идеологическими противниками.

Наконец, попытки подкрепить тезис о «российской угрозе» ссылками на наличие неких тайных связей между командой Трампа и российскими представителями может натолкнуться на зеркальные контробвинения. Как уже отмечалось выше, во время предыдущих российских избирательных кампаний американские официальные лица периодически пытались устанавливать контакты с оппозиционерами, а некоторые российские неправительственные организации получали финансирование из американских источников. Показательно, что, отвечая на американские обвинения о вмешательстве в выборы, Владимир Путин время от времени прибегал к [зеркальным контробвинениям](#), заявляя, что сами США сходным образом вмешивались во внутренние дела других государств:

«Теперь, если эту страничку всё-таки перевернуть, я Вам скажу то, о чём Вы наверняка должны знать: я никого не хочу обидеть, но Соединённые Штаты везде, по всему миру активно вмешиваются в выборные кампании других стран. Вам это разве неизвестно?»

Как российские обвинения в адрес США, так и американские обвинения в адрес России пока что требуют более основательных доказательств и беспристрастного рассмотрения.

Уроки для будущих сравнительных исследований теорий заговора

Одним из главных вызовов для исследователя теорий заговора может стать искушение поддаться собственным политическим пристрастиям, объявив правдоподобными те конспирологические идеи, которые соответствуют его политическим взглядам и абсурдными – те идеи, которые его взглядам противоречат. Политическая тенденциозность и отсутствие относительно нейтральных критериев для сортировки теорий заговора на более и менее правдоподобные способны девальвировать научную значимость изучения конспирологических идей.

Одним из путей преодоления этого вызова может стать различие между «тактическими» (в которых «злоумышленники» преследуют краткосрочные цели) и «стратегическими» (в которых фигурируют весьма амбициозные долгосрочные цели) теориями заговора. В редких случаях последний вид «теорий» может считаться обоснованным: например, Южная Корея и США, по-видимому, на протяжении многих десятилетий ищут пути свержения воспринимаемого ими в качестве острой угрозы северокорейского режима. Тем не менее, правдоподобность «стратегических» теорий заговора в большинстве случаев весьма сомнительна. В самом деле, долгосрочные конспирологические планы, как правило, чрезмерно амбициозны и слишком негибки для того, чтобы считаться реалистичными политическими планами меняющихся современных государств в динамичном мире. В то время как более реалистичные и менее амбициозные «тактические» теории заговора могут оказаться как правдоподобными, так и неправдоподобными, «стратегические» теории заговора имеют гораздо меньше шансов оказаться реальностью.

Применяя эту классификацию к рассматриваемым примерам, можно считать более правдоподобными те теории заговора, которые предполагают наличие у «злоумышленника» краткосрочных целей. В частности, недостаточно правдоподобными выглядят предположения о наличии у России или США долгосрочных, сверхамбициозных, целенаправленно реализуемых и при том время от времени не подвергаемых кардинальному пересмотру планов методичного подрыва политических устоев друг друга при помощи «пятой колонны». Вместе с тем, как обоснованными, так и необоснованными могут оказаться предположения о проведении сторонами тайных операций, преследующих тактические и реалистичные цели, а также о попытках использовать в своих тактических интересах связи с оппозицией. Подобного рода «тактические» теории заговора не должны отвергаться с порога, также как и приниматься на веру без наличия убедительных доказательств.

Обвинения во взломе информационных систем, пропаганда и секретные контакты с оппозиционными силами с целью повлиять на результаты выборов можно считать теми самыми относительно правдоподобными теориями заговора, которые не следует отвергать с порога. Однако даже в тех случаях, когда их можно действительно считать обоснованным, масштаб и результативность «заговоров» во многих случаях остаются неизвестными. Как можно измерить реальную эффективность таких «заговоров»? Если оппонент обвиняется в стремлении добиться злонамеренных целей закулисными методами, удастся ли «обвинителю» успешно парировать зеркальные обвинения? В международной политике можно найти много примеров, когда становящееся мишенью «заговоров» государство при удобном случае не брезгает применять сходные методы в своих интересах.

Заключение

При наличии некоторых сходных особенностей, роль теорий заговора о внешнем вмешательстве в российской и американской политике отчасти различается. В обоих странах конспирологические идеи имеют глубокие исторические корни и часто используются для дискредитации политических оппонентов. Вместе с тем, в России теории заговора об иностранном вмешательстве во внутренние дела более интенсивно используются правящим режимом для укрепления своих позиций вплоть до обеспечения собственной несменяемости. Между российскими и американскими конспирологическими обвинениями имеются и серьезные содержательные отличия: в России делается упор на обвинения в адрес США в поддержке оппозиционеров и некоммерческих организаций, тогда как в США Москва в первую очередь обвиняется в хакерских атаках, подкупе и сборе компромата на должностных лиц и ведении информационной войны посредством интернет-троллей и подконтрольных СМИ. Обе стороны (чаще это делает Россия) при удобном случае прибегают к зеркальным контробвинениям в адрес оппонента.

Будущие сравнительные исследования теорий заговора в России и США могли бы проводить более четкое различие между взаимными обвинениями в шпионаже и хакерских атаках и попытками изобразить другую сторону в качестве организатора долгосрочной тайной активности, имеющей целью уничтожить или подчинить оппонента.

Elliott School of
International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
EURASIA ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2016. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org